

Ovchynnikova I. I. Temporal localization and fazes as taxonomic features of verbs of action in the Ukrainian language.

The features of functional-semantic index 'faze' on the level of syntactic structures with verbal predicates of an action status, process, identified and described reasons differentiation semantic categories 'action' and 'process' based on temporal localization referents, found semantic potential subjective syntaxema with verbs of action and process in Ukrainian language are analyzed.

Keywords: action, activity, agent, subject, predicate, fazovist, temporal localization.

Теркулов В. И.
Донецкий национальный университет

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И КОНЦЕПТ

В работе констатируется порочность придуманных классической лингвистикой индульгенций для “необъяснимых” языковых фактов – тезиса об их периферийности и обусловленности не поддающейся объяснению деятельности индивида. Взамен этого предлагается новая методология, основанная на совмещении гносеологических техник глоссематики и когнитивно-коммуникативного номинатемного подхода.

Ключевые слова: деривация, инвариант, коагуляция, референция, номинатема.

Можно констатировать кризис классической лингвистики в том ее аспекте, который касается определения истинности полученного знания. В ряде случаев, однако, факты не поддаются однозначной трактовке при помощи “традиционных постулатов” [8]. Тогда исследователи пытаются создать “индульгенции” для своих теорий, объясняя их неуспешность тем, что:

(а) язык – это сложная система, у которой есть центр и периферия; а на периферии отмечаются переходные явления, не подпадающие под действие закономерностей, являющихся обязательными для центра системы;

(б) язык – это антропоцентрическая система; в силу же того, что человек – существо, мало поддающееся систематизации, и язык является лабильной системой, допускающей отступления от правил, мотивированные нестабильностью поведения его носителей.

Мне эти доводы представляются малоубедительными.

(а) Мне непонятно, что такое периферия в системе языка. Этот компонент системы не определен. Я знаю, что периферия в географии – это глубинка, провинция, в компьютерной технике – внешние устройства, в теории управления – организации или учреждения, не являющиеся центральными органами, находящиеся на местах, не в центре. Что же такое периферия в языке? Создается впечатление, что это некое вместилище всех труднообъяснимых фактов, некая “внесистемная” часть системы. Например, наука не может объяснить существование безаффиксных падежных форм существительного типа *дождь, вод*. Их существование противоречат нашей

убежденности в том, что у падежных форм обязательно должны быть окончания. Поэтому наукой и вводится понятие находящегося на периферии языковой системы нулевой (невыраженной) флексии – странного явления, противоречащего самой природе знака, который, как известно, выступает в качестве **материально-идеального** образования, репрезентирующего предмет, свойство и т.д. Флексия является знаком-маркером, указывающим на те отношения, в которые вступает, с одной стороны, реалия, обозначенная глоссой, то есть *реализацией слова в речи*, с другими реалиями мира, а с другой – сама глосса с другими глоссами в речевом потоке. Это предполагает, что план выражения флексии является элементом, субституирующим указанные отношения, причем эта способность к субституции и является **сущностью** знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, и, следовательно, **отсутствует и сам знак**.

Это не смущает ученых – они считают, что отсутствие плана выражения у знака – явление, оправдываемое этой самой таинственной периферией системы. При этом убежденность в существовании нулевых аффиксов основывается только на механистически абсолютизированном принципе подобия: необходимость словоизменительных аффиксов определяется не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лакун. Иначе говоря, у глоссы, например, *сон* выделяют нулевую флексию только потому, что флексии есть в формах косвенных падежей этой номинатемы (*сна, сном* и т.д.).

Существует две концепции полисемии: семасиологическая концепция деривационных связей между значениями лексемы и ономасиологическая концепция общего значения. Семасиологическая концепция предполагает, что основой для объединения разных значений, связанных с одной материальной оболочкой, в единую языковую номинативную сущность являются “актуальные деривационные связи значений лексемы” [3, с. 60], которые понимаются как “отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории” [2, с. 14]. Например, набор значений слова *зерно* составляет единую семантическую структуру и является основой его тождества, поскольку связь между этими значениями типична, регулярна и неуникальна. Например, отношение значений “семя растения” – “семя хлебного знака” основано на типичном, регулярном и неуникальном таксономическом переносе “род – вид” (имена сортов) (ср.: *земля* “грунт вообще” – *земля* “сельскохозяйственный грунт”), отношение значений “семя растения” – “малая частица” реализует метафору по фактурному сходству (ср.: *горошина* “зерно гороха” – *горошина* “звено бус”) и т.д.

При таком понимании мы можем объединить под названием разных “лексико-семантических вариантов” (ЛСВ) одной номинативной единицы не только семантические модификации одного слова, но и омонимы, поскольку как первые, так и вторые могут быть трактованы именно как результат семантической деривации. Это подтверждает Н. П. Тропина, по мнению которой разграничение ЛСВ и омонимов “является, скорее, проекцией на лексическую неоднозначность лексикографических нужд, чем отражением их онтологических различий; <...> полисемия и гомогенная омонимия – одно и то же лингвистическое явление на разных стадиях своего существования” [9, с. 19]. Следовательно, в концепции “семантической деривации” номинативное, лексическое определяется как формальное, поскольку основанием для объединения разных значений в один номинативный знак является, в сущности, только тождество плана выражения этого знака, так как при небольшом “исследовательском” усилии любые значения, связанные с одинаковой формой, можно “связать” отношениями производности. Однако при такой трактовке понятие тождества номинации становится фикцией. Причина этого лежит в неоправданном применении семасиологического, эмпирического подхода к определению ономазиологических сущностей. На мой взгляд, к определению первичности того или иного подхода к интерпретации тех или иных фактов необходимо подходить с точки зрения реализации в этих фактах языковых функций. В нашем случае реализуемой функцией языка является номинативная функция. Поэтому-то и следует интерпретировать структуру, функции, модели существования языковых единиц (семасиология) в аспекте реализации ими номинативной функции (ономазиология). А такой подход закономерно приводит нас к идее существования языкового семантического инварианта и интерпретации речевых значений как реализаций, функций этого инварианта в речи.

Понимание семантического тождества как ономазиологической сущности предполагает, что у номинатемы может быть только одно инвариантное языковое значение, изменение которого автоматически ведет к распаду тождества. Именно это, вероятно, имел в виду В. М. Марков, утверждая: “Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта” [5, с. 8]. Сущность понимания соотношения значения и лексико-семантического варьирования здесь состоит в том, что понятие “значение” переносится в сферу языка и определяется как некий семантический языковой инвариант, реализуемый в речи в своих ЛСВ.

Я считаю, что “организатором” тождества знака, тем языковым элементом, который определяет возможности речевого означивания, следует признать концепт. Многие ученые отказываются от отождествления концепта и значения, что обусловлено, на мой взгляд, трактовкой значения как речевой, а не языковой сущности. Наблюдение над речевыми употреблениями слов действительно показывают, что “любое языковое

средство, объективирующее тот или иной концепт, объективирует концепт не полностью, поскольку ни одно значение своим ограниченным семным составом не может передать комплексное содержание концепта во всей полноте его признаков” [7, с. 51]. Однако в то же время возникает вопрос, на который при таком подходе очень трудно ответить: почему вообще возможно обозначение разными глоссами одной номинативной единицы разных воплощений одного и того же концепта? Укажем на то, что в речи, в сущности, объективация, коагуляция тех или иных аспектов существования концепта является рефлексией на сам акт референции.

Если относиться к концепту как к семантической структуре, могущей реализоваться только в речи, нужно признать и то, что он не может существовать в языке как прототипное знание, как закон, устанавливающий модели употребления номинативных единиц. А такое возможно только в том случае, если рассматривать номинацию вне дихотомии “язык – речь”, что, кстати, и является отправной точкой теорий сторонников идеи разграничения концептов и значений. Однако такой подход делает необъяснимым и факт обозначения данной номинативной единицей данного референта.

Мне представляется правильным рассматривать концепт в аспекте соотношения “языковой инвариант – речевые варианты”. В этом случае соотношение концепта и значения таково: концепт является элементом организации системы значений, то есть – виртуальным инвариантным значением, обнаруживаемым на уровне языка. Только это может быть причиной того, что через речевые значения мы познаем концепт – он осознаваем лишь потому, что существует как возможность своей реализации в конкретных условиях коммуникации. Абсолютно справедливо утверждение, что речевые лексические значения “возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты” [4, с. 159]. Однако это “возбуждение” возможно только в том случае, если концепт находится на вершине системы этих речевых ситуативных значений одной номинативной единицы, если от него к речи направлен закон реализаций этой единицы в глоссах, а от этих единиц к номинатеме стремится знание о концепте.

Процесс речевой номинации, границы которой определяет языковой инвариант-концепт, осуществляется одновременно как **референция**, то есть обозначение внеязыкового факта, что реализует номинативное направление “реальность → язык”, и **коагуляция**, то есть актуализация коммуникативно значимых, а, следовательно, формирующих языковое представление компонентов концепта.

Существует два типа актуализации инвариантного концептуального значения номинатемы в ее ЛСВ: коагуляция с сохранением тождества референции и абсолютизированная коагуляция, приводящая к образной референции.

Сущность коагуляции с сохранением тождества референции (я называю ее **денотацией**) состоит в том, что разные “аспекты поведения объекта”

реалізуються в процесі номінації в формі так званого “актуального значення номінативи”, під яким розуміється “актуально значима частина системного значення мовного знаку, актуалізована в даних комунікативних умовах” [1, с. 14]. Наприклад, поняття, позначене номінативою *кирпич* “будівельний матеріал”, може бути реалізоване при тотожності референції в конкретних контекстах і з актуалізацією дестинативної семантики “для будівництва” (*дай мені кирпич, треба закончить стіну*), і з актуалізацією статусної семантики “небезпека” (*осторожно, у нього в руках кирпич*) і т.д.

Всі ситуації абсолютизованої коагуляції (я називаю її коннотацією) відбуваються в тих випадках, коли відбувається перенесення назви, налаштоване на актуалізацію лінгвальної зв'язки двох референтів, що відзначається, наприклад, в разі співіснування значень “тварина родини восьминогих” і “людина, що займається купанням в холодній воді” у слова *морж*. Є спокуси визначити виникнення нового значення в останньому випадку як дериваційний перенесення по семантиці “купання в холодній воді”. Однак сутність процесу означення тут глибше. Він має в своїй основі образне “сопозначення” в лінгвальному світі двох тотожних для нього сутностей. Образ, як відомо, дає знання не про окремі ізольовані властивості дійсності, а представляє собою цілісну мислену картину окремого фрагмента дійсності. Він виникає як представлення, створене шляхом заміщення, при якому один з відрізків дійсності (в даному випадку – “людина, що займається зимнім купанням”) сприймається як інший відрізок дійсності (в даному випадку – як “північне тварина”) цілісно – він не в реальності, а в мові, в лінгвальному світі, детермінованому нашим образним мисленням, стає моржем.

Деривація і коннотація є двома способами мовної актуалізації поняття, тобто двома способами **лексико-семантичного варіювання**. Семантична ж деривація “здійснюється шляхом включення слова в інший лексический розряд” [6, с. 121]. В цьому випадку мовна актуалізація семантики трансформірується в її мовну абсолютизацію і формує нове поняття з властивістю вже тільки йому денотації і коннотації.

Зараз застосовується етимологічна методика розмежування омонімії і полісемії, згідно якої необхідно розрізняти етимологічні, тобто історично відокремлені, і актуальні, дійсно проявляючі в слові даної епохи дериваційні зв'язки. Однак в свідомості носіїв мови актуальні зв'язки можуть зв'язувати і однорідні, і гетерогенні омоніми, і навіть абсолютно різні слова. Крім того, цілком можливо не виявити актуальні семантичні зв'язки не тільки між омонімами, а й між різними семантичними модифікаціями однієї номінативи. Це і дозволяє сприймати

предложенную методику как квинтэссенцию субъективного метода в языкознании.

На мой взгляд, разграничение семантического модифицирования и семантической деривации (лексикализации) должно учитывать особенности механизма формирования новой номинации. И денотация, и коннотация могут стать источником для последней.

Лексикализация на основе денотации реализует “метонимические” модели развития семантики, обусловленные абсолютизацией актуализированной семы как носителя самостоятельного онтологического смысла. При метонимии отсутствует момент образности – она настроена на смежность семантических актуальностей. Например, для того, чтобы на основе номинатемы *плита* “плоский прямоугольный кусок металла, камня или другого материала” возникла номинатема *плита* “кухонная печь”, необходимо, чтобы семантическое развитие одной из глосс исходной номинатемы прошло следующий путь: (1) “плоский прямоугольный кусок металла, камня или другого материала”; (2) “плоский нагретый прямоугольный кусок металла, камня или другого материала, на котором разогревается или готовится пища” (денотация с актуализацией семы “назначение”); (3) “кухонная печь, в которой пища готовится на плоском нагретом прямоугольном куске металла, камня или другого материала” (“метонимический перенос с части на целое” / момент распада); (4) “любая кухонная печь” (абсолютизация переноса / полный распад).

Распад тождества номинатемы на базе коннотации осуществляется путем утраты образности, замены реляционной номинативности, когда один референт отождествляется с другим, онтологической, когда обозначенный новый референт воспринимается уже самостоятельно. Например, номинатема *скоба/скобка* “железная дужка, полоска, изогнутая полукругом и служащая в качестве ручки у дверей, сундуков и т. п.” использовалась для обозначения знака препинания, фактурно схожего с обозначенным референтом. Первоначально его использование имело структуру коннотативного отождествления: “дверная ручка = форма = знак препинания / как бы ручка”. Однако утрата образного тождества и актуализация онтологического значения привела к тому, что скобка “полукруглый знак препинания” уже не воспринимается через скобку “дверную ручку”, что и формирует новую номинатему.

Таким образом, между семантическим модифицированием, формирующим отношения полисемии, и семантической деривацией, приводящей к распаду этого тождества, нет изоморфности: механизм модифицирования в пределах тождества и механизм трансформации исходной семантики глоссы при формировании на ее базе новой номинатемы различаются. Задачей последующих исследований является составление реестра моделей как первого, так и второго процессов.

Л и т е р а т у р а :

1. *Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика : учебн. пособие / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
2. *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии : проект “Каталога семантических переходов” / Анна Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13-25.
3. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. – 112 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
5. *Марков В. М.* О семантическом способе образования слов / В. М. Марков // Русское семантическое словообразование. – Ижевск : Изд-во УдГУ, 1984. – С. 3-21.
6. *Марков В. М.* Избранные работы по русскому языку / В. М. Марков. – Казань : ДАС, 2001. – 275 с.
7. *Попова З. Д.* “Слабые места” публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово, 2003. – С. 16-23.
8. Современный русский язык : [учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. “№ 2121 “Педагогика и методика обучения”] / М. А. Брицын, В. И. Кононенко. – К. : Вища школа, 1983. – 456 с.
9. *Тропина Н. П.* Семантическая деривация : мультипарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.

Теркулов В. І. Семантична деривація і концепт.

У роботі констатується порочність придуманих класичною лінгвістикою індульгенцій для “непояснюваних” мовних фактів – тези про їх периферійність та обумовленість діяльності індивіда, яка не піддається поясненню. Замість цього пропонується нова методологія, яка базується на поєднанні гносеологічних технік глоссематики та когнітивно-комунікативного номінатемного підходу.

Ключові слова: деривація, інваріант, коагуляція, референція, номінатема.

Terkulov V. I. Semantic derivation and concept.

The article deals with the cognitive-communicative approaches to explanation of linguistics facts which traditional linguistics theory could not explain. This approach is based on the new term nominatema. The comparison with the well-known theories help to prove that creativity in language has cognitive-communicative character. Nominatema is especially important for explanation of word-building and lexical nominative process in Russian language.

Keywords: derivation, invariant, coagulation, reference, nominatema.